

Елена Борисёнок

ФЕНОМЕН СОВЕТСКОЙ УКРАИНИЗАЦИИ

 европа

Елена Борисёнок

Феномен советской украинизации 1920-1930 годы

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=171352

Феномен советской украинизации 1920-1930-е годы: Издательство

«Европа»; Москва; 2006

ISBN 5-97390079-7

Аннотация

В монографии впервые в отечественной историографии анализируется национальная политика большевиков в отношении Украинской ССР в 1920—1930-е годы, получившая название украинизации. Украинизация рассматривается на широком общественно-политическом фоне, как элемент сложных маневров советского руководства и в центре, и в республике. В книге представлены предпосылки, этапы и результаты политики украинизации, прослеживается ее связь с общим курсом партийного и советского руководства. Показано также восприятие большевистской национальной политики широкими слоями населения Украины – интеллигенцией, чиновничеством, рабочими, крестьянами.

The monograph is the first attempt in Russian historiography to analyze the national policy of Bolsheviks with regard to the Ukrainian

Soviet Socialist Republic in 1920-1930, a process which was called the «ukrainization». This phenomenon is considered on a wide social and political background as an element of complex maneuvering of the Soviet leadership both in Moscow and in the republic itself. The book reveals the premises, the stages and the results of this policy, tracing back its connection with the general course of the party and state leadership. It also demonstrates how the national policy of the Bolsheviks has been perceived by the wide strata of Ukraine's population, its intellectuals, officials, workers and farmers.

Содержание

Введение	5
Глава 1	34
«Опять власть меняется»: особенности	34
положения Украины накануне украинизации	
«Большая Украина»: демография и	34
политика	
Публичная презентация национальной	41
идеи: Грушевский, Скоропадский, Петлюра	
Украинизация без большевиков	48
«Плацдарм мировой революции»: политика	59
большевиков в отношении Украины в	
1917-1922 гг.	
Революционное нетерпение	59
Две тактики по украинскому вопросу	62
Равноправие или слияние?	67
Поворот к украинизации на фоне мировой	76
революции	
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Елена Борисёнок

Феномен советской украинизации 1920-1930-е годы

Введение В ЛАБИРИНТАХ УКРАИНИФИКАЦИИ

Украинизация представляет собой один из интереснейших общественно-политических и культурных феноменов XX века. Речь идет о важнейших процессах, проходивших в украинском обществе как во время революции и Гражданской войны – в Украинской Народной Республике, так и в 1920-1930-е гг. – в Украинской ССР – и связанных с внедрением украинского языка в общественную, политическую и культурную жизнь, повышением его статуса.

Развитие украинской культуры в этот период стало возможным благодаря политике действующих властных структур на Украине, которая и получила название «украинизация». Во время существования Украинской Народной Рес-

публики политика украинизации не смогла получить должного развития по вполне понятным причинам (Гражданская война, неустойчивое положение различных национальных правительств и т. д.). В УССР же украинизация, проводившаяся в рамках провозглашенной XII съездом РКП(б) в 1923 г. политики коренизации партийного и государственного аппарата в национальных республиках, приобрела достаточно широкий размах. Будучи региональной формой коренизации, украинизация не ограничивалась культурной сферой, но имела также четкую социальную и экономическую направленность. Советская украинизация 1920-1930-х гг. являлась одним из методов большевистского нациостроительства, что в конечном счете имело определяющее значение для последующего этнополитического развития Украинской ССР. В своей политике большевики использовали жесткий административный нажим, нередко форсируя события, в связи с чем противники таких методов даже именовали политику большевиков не «украинизацией», а «украинификацией».

Историография данной проблемы достаточно специфична. Несмотря на то что об украинизации стали писать достаточно давно, фактически – с 1920-х гг., вплоть до последнего времени отсутствовали специальные исследования, непосредственно посвященные указанной проблематике, хотя украинизация неизменно рассматривалась во всех трудах, касавшихся украинской истории XX века.

В советских публикациях 1920-1930-х гг. излагалась официальная позиция большевиков, в соответствии с которой украинизация рассматривалась как достижение национальной политики в СССР. Такое же представление об украинизации сохранялось в официальной советской историографии вплоть до конца 1980-х гг. Однако тема эта не была популярна, исследователи не могли вдаваться в подробности, рассказывать о «неудобных» деятелях и интерпретировать украинизацию иначе, чем предусматривал курс истории КПСС.

В то же время начиная с 1920-х гг. об украинизации писали зарубежные ученые. Особенно активны были представители украинской диаспоры. Среди эмигрантских публикаций следует прежде всего отметить работы Г. Костюка, С. Николишина, Д. Соловья, М. Славинского, Ю. Бачинского, А. Юрченко, П. Голубенко, М. Ковалевского, Р. Гармаша, М. Прокопа, П. Феденко, В. Чапленко, В. Петрова, И. Майстренко, Ю. Шевелева, И. Кошеливца, Б. Кравченко и других. Многие из них были переизданы на Украине после 1991 г. ^[1]

Во всех этих сочинениях высказывалась точка зрения, в корне отличная от официальной советской. Общим местом для таких работ стало критическое изложение политики Москвы в отношении Украины и повышенное внимание к национальным факторам. С. Николишин выделил три периода в культурной политике большевиков: период русификации 1917-1922 гг., период украинизации 1923-1932 гг. и период советизации, начавшийся в 1933 г. ^[2] Традиционно ве-

дущее значение для «возрождения украинской нации» отводилось факту создания Украинской Народной Республики. Об этом писали и Д. Соловей, и Г. Костюк, и В. Чапленко, и Б. Кравченко, и многие другие авторы. Вообще в эмигрантской историографии принято было подчеркивать значение национальных украинских сил, их влияние на многие процессы в стране. Большевистская украинизация трактовалась как завоевание национальных украинских сил (например, Г. Костюком и В. Чапленко). Рассматривая социальную структуру украинского общества в 1920-1930-е гг., Б. Кравченко связывал успехи украинизации не столько с административным нажимом властей, сколько с энергией и энтузиазмом тысяч местных активистов. На особую роль в украинизации наркома просвещения УССР Н. Скрыпника указывал И. Кошеливец.

В то же время Ю. Шевелев подчеркивал, что украинизация была результатом также и внешнеполитических расчетов. Украина должна была стать революционным примером для украинцев в Польше, Чехословакии и Румынии.

Традиционно большое внимание эмигранты уделяли теме репрессий, проходивших на Украине. На трагической судьбе украинской интеллигенции, на дискриминации культурных потребностей украинского народа советским правительством сосредоточили внимание С. Николишин, Д. Соловей, В. Петров и другие авторы. На борьбе сталинского руководства с «национальным уклоном» в годы украинизации ак-

центрировал внимание И. Майстренко.

Темы, связанные с украинизацией, затрагивались и западными учеными неукраинского происхождения, труды которых были посвящены проблемам национальной политики большевиков и национал-коммунизму. Проблем украинизации касались в своих трудах в частности Р. Салливант и Д. Мейс. Салливант отмечал, что украинизация призвана была привлечь на сторону Сталина одну из крупнейших региональных партийных организаций – КП(б)У^[3]. Д. Мейс, рассматривая проблему формирования «национал-коммунизма», подчеркивал большую роль последнего в проведении украинизации^[4]. В других работах западных исследователей проблема украинизации затронута в гораздо меньшей степени^[5]. Стоит упомянуть труд Дж. Либера, посвященный проблеме модернизации и урбанизации в СССР. В этой связи Либер подчеркивал смещение фокуса украинской идентичности из сельской местности в город^[6]. Р. Кайзер отмечает значение установления границ Украинской ССР, поскольку «территориализация» украинского государства способствовала росту национального самосознания украинцев^[7].

Т. Мартин обращает внимание на определенную преемственность СССР и развалившейся Российской империи, подчеркивает систематическое нациостроительство большевиков. В отношении формы национального устройства Со-

ветского Союза он предлагает использовать термин «империя позитивного действия»^[8].

Многие постулаты из работ зарубежных исследователей, в первую очередь представителей диаспоры, были восприняты современными украинскими учеными. Однако существенным недостатком зарубежных работ было то, что многие источники, хранившиеся в советских архивах, зачастую с грифом «секретно», не были для них доступны.

Ситуация изменилась только на рубеже 1980-1990-х гг. после снятия многих запретов на тематику исследований и с открытием архивов. Эти сюжеты стали интенсивно востребованными в исследовательской среде. Проблематикой украинизации занимаются как известные украинские историки, работающие в Институте истории и Институте политических и этнонациональных исследований НАН Украины, в государственных университетах в Киеве и Львове (СВ. Кульчицкий, Ю.И. Шаповал, В.Ф. Солдатенко, Г.В. Касьянов, В.М. Даниленко, В.А. Кондратюк, О.А. Рафальский, А.Ю. Зайцев, Я.Р. Дашкевич и др.), так и молодые исследователи (В.Г. Шарпатый, Г.Н. Ефименко и др.).

В 1990-е гг. на фоне множества статей были опубликованы первые монографии, среди которых следует прежде всего отметить усилия ученых Института истории Украины. В 2003 г. появилось обобщающее коллективное исследование (авторский коллектив – В.М. Даниленко, Я.В. Верменич, П.М. Бондарчук, Л.В. Гриневич, О.А. Ковальчук, В.В. Мас-

ненко, В.М.Чумак) «Украинизация» 1920-30-х годов: предпосылки, приобретения, уроки», где весьма подробно, с привлечением статистических данных, рассматривается политика украинизации в различных областях жизни – партийных и государственных органов, системы просвещения, науки, периодических изданий, армии и др. В том же году увидел свет весьма подробный библиографический указатель «Политика коренизации в советской Украине (1920-1930-е гг.)»^[9].

Многие исследователи, рассматривая развитие украинской культуры в 1920-е гг., говорят о национально-культурном возрождении. В этой связи ставится вопрос о соотношении последнего с большевистской политикой украинизации, об отношении к ней видных членов КП(б)У, о позиции различных социальных слоев в связи с введением украинского языка в школьное обучение, делопроизводство и пр.

Касаясь причин коренизации, многие исследователи отмечают прямую ее зависимость от активизации национальных процессов в стране. Тезис о национально-культурном возрождении Украины в начале XX века является одним из принципиальных положений большинства украинских историков. Вслед за своими зарубежными коллегами они практически единодушно подчеркивают, что необходимость новой национальной политики большевиков на Украине была вызвана проходившими там национально-культурными процессами. «Революция 1917 года и создание украинского государства стали факторами бурного роста национальной

культуры... -пишет Г.В. Касьянов. – Повернуть этот процесс назад было уже просто невозможно»^{10}. Развитие украинской науки, культуры, искусства в 1920-е гг. происходило, по мнению В.Ф. Солдатенко, «на базе национального возрождения, в условиях активизации национального фактора»^{11}.

Некоторыми авторами ставится под сомнение оправданность термина «украинизация». «Политика коренизации, - пишет В.М. Даниленко, – получила на Украине... неудачное и исторически неоправданное название „украинизации“. Это название никак не отвечало процессам, происходившим в сфере общественной и культурной жизни Украины как в период Центральной Рады, Гетманата, Директории, так и периода большевистского правления»^{12}. Историк замечает, что обращение народа к своей государственности, своим корням, своей культуре и историческим традициям не может быть украинизацией. Это был процесс, «который с полной уверенностью можно назвать „дерусификацией“»^{13}. Особое значение проблеме соотношения украинизации и национально-культурного возрождения придает СВ. Кульчицкий. «Нередко в историографии с украинизацией отождествляется процесс бурного национального возрождения, который проявлялся в росте культуры и самосознания народных масс. В действительности национальное возрождение составляло побочный эффект курса на коренизацию режима»^{14}. Таким образом, согласно Кульчицкому, националь-

но-культурные процессы на Украине были не причиной, а результатом политики коренизации, преследовавшей сугубо прагматические цели усиления режима.

Украинские историки считают, что большевики не могли рассчитывать на успехи в социалистическом строительстве «без привлечения на свою сторону подавляющего большинства сельского населения, а также национальной интеллигенции». Поэтому «необходимо было дать народам России, объединенным в единую державу, своеобразную „культурно-национальную автономию“, реальную возможность развивать свои национальные культуры и языки». Именно эти цели и преследовал курс на коренизацию партийно-советского аппарата национальных республик ^{15}. Эта мысль, высказанная Даниленко, Касьяновым и Кульчицким еще в 1991 г., продолжает доминировать в украинской исторической науке до сих пор. В вышеупомянутой монографии «Украинизация» 1920-30-х годов...» также подчеркивается, что судьба созданного Союза ССР зависела от «способности центра найти такую форму взаимоотношений с субъектами федерации», которая удовлетворяла бы обе стороны и «обеспечивала жизнеспособность централизованного государственного организма» ^{16}.

В этом же русле трактует украинизацию С.А. Цвилюк. Он подчеркивает, что для большевиков было крайне важно «зачеркнуть поддержкой населения», особенно украинского села, с недоверием относившегося к новой власти. Одновре-

менно, пишет Цвилюк, политика украинизации должна была продемонстрировать украинскому народу «заботу новой власти об обеспечении национально-культурного возрождения Украины, предоставление твердых гарантий национальной самобытности в процессе самоорганизации украинской национальной жизни»^{17}. Исследователь предлагает трактовать политику большевистского руководства как своеобразный временный «идеологический нэп», как вынужденное тактическое отступление от политики «военного коммунизма» и революционной «чрезвычайщины» в национальном вопросе и переход к реформистским либеральным внешне методам^{18}.

Еще один украинский исследователь, В.М. Букач, считает, что политика украинизации, начатая в период жесточайшего экономического и политического кризиса, помогала «отвлечь население от политической борьбы и сосредоточиться на решении национально-культурных вопросов»^{19}.

Очень важной проблемой является восприятие политики украинизации различными слоями населения. Она обозначена украинскими специалистами, однако исследуется менее активно, чем практическое проведение украинизации. Тем не менее определенные тенденции просматриваются. Так, Я.Р. Дашкевич различает «кадры украинизации» и «противников украинизации». К первым историк причисляет значительную часть украинских коммунистов, в том числе быв-

ших боротьбистов и укапистов (украинских левых эсеров и социал-демократов, примкнувших к большевикам), а также бывших эмигрантов, вернувшихся на родину после провозглашения курса на украинизацию. Кроме того, к союзникам украинизации принадлежало большинство литераторов и украинских экономистов. К лагерю противников Дашкевич относит верхушку КП(б)У, центральную партийную и советскую бюрократическую машину, «обрусевшее мещанство» и «обрусевший пролетариат», Красную Армию, представителей русской интеллигенции (А.В. Луначарский, Максим Горький, писатель Ф.В. Гладков), значительную часть еврейской интеллигенции и, наконец, Русскую православную церковь. Городское население и пролетариат Украины, по мнению Дашкевича, находились под влиянием русификаторских традиций и были убеждены в «исключительности (культурной, революционной), престижности всего русского», еврейская интеллигенция хранила верность «ассимиляторской москвофильской платформе»^{20}.

Большое влияние на то или иное отношение к новым политическим веяниям имела, по представлениям Г.В. Касьянова, степень обрусения различных слоев населения на Украине^{21}. Следует учитывать, что компартия зачастую рассматривается украинскими историками как «чужеродное явление для украинской традиции» – как «по своему составу», так и по «внутренней доктрине»: по мнению сотрудников Института истории Украины, «украинский элемент» в

КП(б)У появился только после массового вступления в ее ряды боротьбистов^{22}.

В конечном итоге, считают украинские специалисты, «концепция украинизации нарождалась в жестокой политической борьбе» между «активными национал-коммунистическими силами», «великорусско ориентированной частью КП(б)У» и «украинской общественностью» (научной, просветительской и литературной интеллигенцией)^{23}.

Подчеркивается также роль в украинизации тех представителей западноукраинской интеллигенции, которые положительно восприняли новый партийный курс и решили связать свою дальнейшую судьбу с Советской Украиной. Привлечение западноукраинской интеллигенции к «обслуживанию потребностей индустриального и культурного строительства на Советской Украине отвечало интересам партийно-государственного руководства УССР», отмечают А.С. Рублев и Ю.А. Черченко. Это способствовало повышению авторитета большевиков, стремившихся представить Советскую Украину неким «Пьемонтом всего украинского народа», и, в свою очередь, давало новый импульс украинизации^{24}. Действительно, провозглашение курса на коренизацию, делает вывод В.М. Чумак, имело важное значение для Западной Украины. Ученый подчеркивает, что этот курс проходил «параллельно с провозглашением нэпа и признанием Антантой аннексии Польшей Восточной Галиции», что

изменило настроения украинского общества за границей и породило так называемое сменовеховство^[25]. Однако, подводит итог украинский исследователь, настроения западных украинцев изменили «насилованная коллективизация, голод, политические репрессии в УССР» и утвердили в мысли, что «только западные земли при условии консолидации всех украинских национально-политических сил смогут исполнить свою всеукраинскую регенеративную задачу»^[26].

Нельзя забывать, отмечает В.М. Даниленко, что новая политика служила цели большевизации просвещения, науки, культуры и воспитания «нового», советского человека^[27]. Данное обстоятельство тем более важно, что украинизация создавала благоприятные условия для активизации национально-культурных тенденций, не всегда укладывавшихся в русло официальной идеологии. «Явления, которые не поддавались контролю государства и партии... выходили из-под контроля, становились объектами репрессивной политики», – указывает Г.В. Касьянов^[28]. Даниленко, отмечая административно-командный характер украинизации, делает вывод о том, что украинизация «по-советски» объективно создавала основу для развертывания «полномасштабной русификации». Украинцев в 1920-е гг. продолжали активно приобщать к русской культуре: процент начальных и средних школ, обучение в которых велось на русском языке, не соответствовал проценту русского населения на Украи-

не^[29]. В.Г. Шарпатый подчеркивает, что Москва стремилась перевести часть учебных заведений Украины в союзное подчинение и таким способом легализовать русификацию^[30].

Современные украинские ученые достаточно подробно анализируют законодательные акты и основные мероприятия по разворачиванию украинизации. Приводятся статистические данные, убедительно свидетельствующие о росте удельного веса украинцев в партийных организациях, в советских учреждениях, учебных заведениях и т. п. Отмечаются новые «оригинальные явления» в украинской литературе и искусстве^[31]. Имеется опыт рассмотрения процесса украинизации в отдельных регионах республики^[32] и за ее пределами, в местах компактного проживания украинского населения в других республиках СССР^[33].

Историки отмечают принципиальные изменения, произошедшие в национальной политике центра в начале 1930-х гг. Если в период нэпа утвердилась «независимость, децентрализация управления культурой», все сферы которой находились в компетенции республиканских народных комиссариатов просвещения, то рубеж 1920-1930-х гг. стал временем унификации культурного строительства^[34]. Основной опасностью стал считаться «местный национализм». Разгром «национальных уклонов» знаменовал собой переход от «либерального периода нэпа к эпохе террора и открыто имперской политике»^[35]. В данной связи главное внимание

в украинской исторической литературе уделяется партийным чисткам 1933-1934 гг. и массовым репрессиям против «украинских националистов», обвиненных в срыве хлебозаготовок, которые привели к голоду на Украине в 1932-1933 гг. Весьма подробно об этом пишут В. Пристайко и Ю. Шаповал^[36]. Они доказывают, что украинская интеллигенция была практически уничтожена, руководившие украинизацией партийные и советские работники арестованы, расстреляны либо сосланы. Под жесткий партийный контроль были поставлены средства массовой информации, книгоиздательская деятельность, учебные и культурно-просветительные учреждения.

В данной связи особое внимание уделяется голоду 1932-1933 гг. на Украине. Ю.И. Шаповал подчеркивает его «анти-украинскость»^[37]. По его мнению, московское руководство помнило о крестьянском сопротивлении на Украине 1930-1931 гг., «когда против „великого перелома“ воевали целыми селами»^[38]. «Это было сознательное и продуманное решение, имевшее одной из целей поставить Украину на колени, – пишет Шаповал. – Именно оно стало фатальным для нашего народа. Именно оно абсолютно подпадает под определение понятия „геноцид“, принятое международным сообществом»^[39].

Завершение украинизации обычно датируется 1938 г., когда «сталинское руководство взяло курс на ускорение assi-

милляции». Сюда относят издание центральных и областных русскоязычных газет, создание комиссии по новому украинскому правописанию, введение обязательного изучения русского языка в начальных школах со второго класса ^{40}.

Таким образом, украинизация рассматривается современными исследователями как один из важнейших факторов общеполитического развития межвоенной Украины. Введено в научный оборот большое количество нового фактического материала. Делаются попытки соотнести украинизацию с национально-культурным возрождением 1920-х гг. и противопоставить русификации 1930-х, а также включить эти процессы в общий контекст цивилизационной истории Украины ^{41}. Однако современные украинские историки рассматривают украинизацию исключительно как политику в сфере языка, культуры, науки, просвещения, не затрагивая ее экономические и социальные аспекты. Официальная партийная политика, по мнению украинских ученых, являлась в значительной мере реакцией на активизацию национальных процессов в стране и обладала по преимуществу регулирующими функциями. Но так как основное внимание украинских историков уделяется выработке концепции национальной истории, это обстоятельство зачастую мешает объективно соотнести события, имевшие место на Украине, с общесоюзными тенденциями. При этом часто таким общесоюзным тенденциям, как усиление централизации и репрессий, придается регионально-национальный характер. В

то же время исследователям удалось в целом верно оценить причины украинизации, выявить различные позиции украинских большевиков по отношению к национальной политике.

К сожалению, среди российских историков, в отличие от их украинских коллег, тема украинизации не пользуется популярностью. «Центристский» взгляд на историю России, обусловленный особенностями советского научно-информационного пространства, продолжает господствовать. Объясняется это тем, что в советское время центры по изучению истории народов СССР сосредотачивались на местах, т. е. в самих союзных республиках, поэтому после распада Союза российские научные центры столкнулись с нехваткой «узких» специалистов (по истории Украины, Белоруссии и т. д.). Такая ситуация надолго определила специфику исторической проблематики: для российской историографии характерен взгляд «сверху вниз», из центра на республики, в связи с чем обычно ставятся вопросы влияния государства на национальные, экономические, социальные, культурные процессы в республиках. В то же время ощущается дефицит работ, непосредственно посвященных украинской тематике, особенно касающихся межвоенного периода и украинизации^[42]. Следует все же упомянуть о взглядах российских историков на проблемы, так или иначе затрагивающие тему украинизации. Например, крупным проблемным блоком, активно разрабатываемым в последние годы, является анализ

обоюдного влияния двух важнейших внутривнутриполитических факторов: политики большевистского центра и «окраинного национализма». Вопрос о степени зрелости украинского национального движения рассматривается по-разному. С точки зрения одних исследователей (И.В. Михутина), до революции носители национальной идеи находились среди своих земляков в меньшинстве и формированию украинского самосознания способствовала советская власть, осуществившая национально-территориальные постулаты дореволюционного украинского движения^[43].

Другие исследователи признают существование национальных движений и связанных с ними центробежных тенденций, имевших важное значение для судеб различных территорий бывшей Российской империи. В этой связи следует отметить важную тенденцию в российской историографии, связанную с попытками рассмотреть «характер психосоциального симбиоза социализма и национализма в русской революции»^[44].

В.П. Булдаков считает, что местные национальные партии возникали ранее общероссийских, что было связано с «упреждающей и небескорыстной реакцией национализма расколотых и угнетенных народов на грядущие геополитические подвижки в мире». При этом такие партии зачастую именовались социалистическими, что, в свою очередь, отражало процесс «взрывоопасного соединения социалистической доктринальности с растущей этнической нетерпимо-

стью»^[45]. Рассматривая межнациональные столкновения в стране в период революции, Булдаков делает вывод о том, что в национальных движениях относительно силен оказался культурно-автономистский компонент, тогда как собственно уровень сепаратизма был «поразительно мал». «Окраинный национализм», по мнению ученого, набирал силу по мере «солдатизации» национальных движений, когда внутри страны происходило увеличение массы вооруженных маргиналов: именно солдатская масса с какого-то момента диктовала украинской Центральной Раде свои правила игры. В то же время окраинный национализм подогревался и аграрным вопросом, «придававшим крестьянскому движению шовинистические формы»^[46]. Однако «только приход к власти большевиков подтолкнул местных националистов к шагам по национально-государственному отмежеванию от российской анархии»^[47].

В то же время, поднимая вопрос о соотношении роли национального и политического факторов в период революции и Гражданской войны, российские исследователи подчеркивают значение политической борьбы за власть в этот период. СВ. Чешко считает, что во время Гражданской войны происходила именно «гражданская война, в которой никто никого не завоевывал, – политическая борьба с помощью оружия», поэтому независимые национальные государства, образовавшиеся в результате распада Российской империи,

следует рассматривать прежде всего как продукт политической дестабилизации страны, а политику большевиков -как производную от чисто политической борьбы, а не как внешнюю экспансию в отношении этих независимых национальных государств^[48].

Кроме того, на судьбу образовавшихся в результате крушения Российской империи национальных государств существенное влияние оказал внешнеполитический фактор. Пример Украины здесь весьма ярок: в условиях ожесточенной борьбы за власть большевики должны были проявить особую гибкость в своей тактике в отношении национальных сил в связи с заинтересованностью польских политических и военных кругов в украинском вопросе. Г.Ф. Матвеев обращает внимание на особый интерес, который вызывало у «начальника» польского государства Ю. Пилсудского развитие событий в Литве и Украине. Последние могли сыграть роль щита между белой или красной Россией и независимой Польшей, поэтому сотрудничество на антироссийской основе Польши с УНР, а затем тесные контакты поляков с украинской военной эмиграцией требовали от большевиков неусыпного внимания^[49].

Традиционно большое внимание российскими исследователями уделяется проблеме становления советской государственности и образования СССР. Подробно описанный в литературе процесс образования СССР позволил историкам выявить роль Украины, позиции украинских коммунистов

и сталинской группы. Дебаты, проходившие в период создания союзного федеративного государства, свидетельствуют о таких основных чертах позиции Сталина и его сторонников в решении национального вопроса, как «гипертрофированный „классовый подход“, абстрагирование от реальных условий развития межнациональных отношений и восприятие пролетарского интернационализма как доминанты для любой формулы объединения разных национальностей в государственное образование социалистического толка» ^{50}. В то же время исследователи отмечают, что различия между сталинской точкой зрения и ее оппонентами заключались в «различном понимании идеи государственного единства и новой экономической политики» (федеральная автономия или же свободное и самостоятельное развитие субъектов федерации) ^{51}.

Российские историки единодушно относят украинских руководителей – Х.Г. Раковского, Н.А. Скрыпника, Г.Ф. Гринько, В.П. Затонского – к наиболее решительным оппонентам Сталина по вопросу создания единого многонационального государства и понимания федерализма. При этом В.А. Шишкин считает, что их позицию нельзя назвать конфедералистской: «На деле же это была точка зрения, имевшая в виду построение такого федеративного сообщества союзных республик, в котором последние не подавлялись бы центром, а сохраняли бы достаточные суверенные права, особенно в области национального, социального и экономи-

ческого развития»^{52}.

Несогласие украинских коммунистов со сталинской линией требовало от Москвы повышенного внимания к этой союзной республике, что в полной мере отразило проведенное в июне 1923 г. совещание ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик. На совещании Сталин рассчитывал припугнуть как украинцев, так и других «националов», несогласных с политикой центрального партийного руководства^{53}. В конечном счете идеи федерализма на практике претерпели весьма значительные изменения. Т.Ю. Красовицкая обращает внимание на то, что извращение идей федерализма, поражение национальной демократии и утверждение национал-коммунизма стало возможным как вследствие замысла политического руководства, так и из-за неразвитости элементов гражданского общества^{54}. Стоит отметить и точку зрения Л.Н. Нежинского. Он полагает, что одним из побудительных мотивов формирования государственной централизации 1920-х гг. было активное стремление советских республик стать полноправными субъектами международных отношений^{55}. В то же время велика была и роль личностного фактора: сталинские рычаги борьбы с противниками унитаризма действовали весьма успешно, как убедительно доказал А.П. Ненароков^{56}.

Российские исследователи единодушно признают, что коренизация на Украине (она же украинизация) объективно

способствовала развитию украинской культуры, науки, просвещения. Кроме того, как отмечает СВ. Чешко, многочисленные постановления, принятые в этот период, способствовали не только внедрению украинского языка в сферы образования, науки, делопроизводства, но и разделению его функций с русским языком и языками других народов Украины^{57}.

Одновременно украинизация укрепляла позиции национально ориентированных коммунистов и так или иначе создавала почву для обострения на Украине национальных противоречий. К опасным последствиям украинизации партийного и советского аппарата исследователи относят: рост украинского шовинизма, «перегибы» в отношении русских и евреев в госаппарате и в школах. Г.В. Костырченко указывает, что украинизация приводила к остракизму служащих из числа русских и евреев^{58}. Такие процессы не могли не быть обоюдными и сопровождались травлей украинцев-коммунистов со стороны русскоязычных членов партии. В такой сложной ситуации партийное руководство вынуждено было постоянно корректировать свой курс. «В дальнейшем национальная политика сталинского руководства на Украине представляла собой эмпирическое шараханье из стороны в сторону (от „украинизации“ аппарата к его „деукраинизации“), – пишет В.А. Шишкин, – преследовала эта политика единственную цель – сохранение централизованного руко-

водства из Москвы»^{59}. В конечном счете такие изменения в политической линии приводили к существенному искажению на практике заявленных большевиками теоретических установок в области национальной политики.

Российские исследователи, занимающиеся проблемами внутренней политики большевиков в 1920-1930-е гг., не могут обойти вниманием и проблему борьбы с так называемым буржуазным национализмом, в том числе и украинским. Одновременно укрепление централизованного руководства требовало особого, жесткого контроля над «инакомыслием». Всякое оформление национальных течений и движений в союзных республиках и автономиях почти автоматически оценивалось как «национальный сепаратизм», «уклони́зм», «подрыв устоев социалистического интернационализма». В.А. Шишкин отмечает, что большие опасения центра вызвали процессы роста самосознания интеллигенции, и Украине в этом плане уделялось весьма большое внимание: в этой республике весьма сильны были сторонники решения национального вопроса на подлинно демократической основе и с учетом обеспечения прав субъектов Союза^{60}.

С проблемой «украинского национализма» тесно связана и проблема репрессивной политики властей. Большинство российских ученых считает, что большевистскую политику вряд ли правомерно идентифицировать как сознательный ге-

ноцид^{61}. Репрессии имели не этническую, а классовую, социальную направленность. Подчеркивая данное обстоятельство, СВ. Чешко предлагает квалифицировать репрессии не как геноцид, а скорее как «социцид»^{62}. Говоря о репрессиях против национальной интеллигенции в сталинское время, современные российские исследователи отмечают, что пострадала интеллигенция всех народов, в том числе и русского. Неправомерно поэтому обвинять русских в бесчинствах гулаговского аппарата и призывать их покаяться. Такие действия, по мнению А.И. Доронченкова, способствуют реабилитации истинных вдохновителей и исполнителей массовых репрессий – Сталина, Берии и их соратников по партии и советской власти^{63}.

Впрочем, как доказывает СВ. Чешко, нельзя забывать о том, что преследовались прежде всего те представители национальной интеллигенции, которые исповедовали (или только подозревались в этом) идеи национализма, исламизма, тюркизма и т. п., «представлявшие режиму противоречащими официальной коммунистической идеологии и потому опасными»^{64}.

Таким образом, в современной российской историографии отчетливо проявляются тенденции найти взвешенный, объективный подход к сложным реалиям советской истории 1920-1930-х гг. Попытки разобраться в сложных перипетиях политики большевиков в отношении национальных рес-

публик вообще и Украины в частности дают свои положительные результаты. Накопленный отечественными исследователями опыт в изучении данной проблематики уже достаточно обширен и требует сопоставления с конкретным фактическим материалом, накопленным украинскими историками. Такое взаимодействие может значительно продвинуть вперед историографию, обращенную к проблемам Восточной Европы в XX столетии.

Источниковая база по избранной нами проблематике весьма обширна. Помимо давно известных опубликованных документов (материалов ЦК ВКП(б) и ЦК КП(б)У, их съездов и пленумов, статей и выступлений большевистских лидеров и т. п.), существует и большой массив архивных материалов, не привлекавшихся ранее к исследованию. Прежде всего это материалы руководящих органов ЦК КП(б)У, хранящиеся в Центральном государственном архиве общественных организаций Украины (Ф. 1. Оп. 1,6,16, 20). Большое количество сведений об украинизации содержат документы органов советской власти, хранящиеся в Центральном государственном архиве высших органов власти Украины (фонды Президиума Верховного Совета УССР, Министерства просвещения УССР и др.). В этих же архивах содержатся и коллекции личных документов участников Октябрьской революции, Гражданской войны и установления советской власти на Украине, где содержится также немало сведений по интересующей нас теме. Например, в фонде 59 архива

общественных организаций содержатся воспоминания Я.С. Блудова (ректора Харьковского госуниверситета, члена президиума ВУАМЛИН) и В.Э. Квиринга (сына главы украинских коммунистов в 1923-1925 гг. Э.И. Квиринга). Большое количество сведений об украинизации содержится в украинской периодической печати – журнале «Большевик Украины» и газете «Коммунист».

Конечно, основной массив архивных источников по истории украинизации содержится в украинских архивах. В то же время российские специалисты также располагают значительным массивом источников. Большое количество документов, помогающих полнее понять большевистскую коренизацию, хранится в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ) и Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ). Весьма ценные материалы хранятся в фондах Л.М. Кагановича (Ф. 81), В.М. Молотова (Ф. 82), Д.З. Мануильского (Ф. 523) в РГАСПИ. В фонде Кагановича содержатся документы 1925-1928 гг., т. е. того периода, когда Лазарь Моисеевич возглавлял компартию Украины. Здесь хранятся его личные письма, заметки, черновики статей и выступлений, докладные записки, подготовительные материалы к заседаниям политбюро ЦК КП(б)У и т. п. В фонде В.М. Молотова хранятся его отчеты о поездках на Украину в 1927-1932 гг. Личные материалы Д.З. Мануильского представляют интерес прежде всего в связи с его пребыванием на Украине в

1920-1922 гг. Фонды ГАРФ содержат ценные материалы, касающиеся урегулирования украинско-российской границы в середине 1920-х гг. (Ф. 5768, 6892). Кроме того, здесь хранятся документы Народного комиссариата по делам национальностей (Ф. 1318). Для нашей темы интерес представляют прежде всего материалы украинского отдела Наркомнаца. Кроме того, отечественный исследователь располагает и официальными документами ЦК КП(б)У: материалы пленумов, политбюро, оргбюро и секретариата ЦК украинской компартии поступали в сектор информации отдела руководящих политорганов ЦК ВКП(б) (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 26). Из недавно опубликованных документов, дающих представление о положении на Украине в 1920-1930-х гг., следует отметить прежде всего воспоминания Л.М. Кагановича^[65], переписку Кагановича с И.В. Сталиным^[66] и донесения ГПУ И.В. Сталину^[67].

Использование такого широкого круга источников поможет реконструировать возможно более целостную картину большевистской украинизации, позволит выявить механизм принятия решений о коренизации, степень конкретного участия центральных партийных органов в этой политике, формы и методы контроля за конкретной работой украинских политических деятелей, роль субъективного фактора в партийной политике. Анализ существующей историографии выявил необходимость раскрытия сущности политики укра-

инициации как метода нациостроительства не ограничиваясь при этом лишь ее культурными аспектами. Рассматривать украинизацию необходимо на широком общеполитическом фоне, с учетом внутренней и внешней политики центрального партийного руководства, особенностей экономического, социального и политического развития страны в каждый конкретный отрезок времени. Только таким путем возможно преодолеть устоявшиеся стереотипы в оценке украинизации и избежать подмены исторической действительности стандартным набором идеологических клише. Настоящая работа и является такой попыткой дать объективный анализ украинизационных усилий большевистской партии.

Глава 1

НА РУИНАХ ИМПЕРИИ: УКРАИНА НА ПУТИ К УКРАИНИЗАЦИИ

**«Опять власть
меняется»: особенности положения
Украины накануне украинизации**

**«Большая Украина»:
демография и политика**

В НАЧАЛЕ XX ВЕКА земли с украинским населением входили в состав двух империй: Российской (территории на левом и правом берегу Днепра и в Причерноморье в составе Юго-Западного края, Малороссии и Новороссии) и Австро-Венгерской (Закарпатье, Восточная Галиция и Северная Буковина). При этом большинство украинцев проживало в Российской империи, а потому территорию их обитания называли также Большой Украиной. Именно здесь в результа-

те революционных событий 1917-1920 гг. и была образована Украинская Советская Социалистическая Республика – огромный полигон для испытания большевистской политики коренизации. Чтобы полнее представить себе суть этой политики, следует вспомнить о состоянии Большой Украины с ее довольно пестрым и неоднородным социальным и национальным составом населения на 1917 г.

Согласно переписи 1897 г., на Большой Украине проживали не только украинцы (73%), но и русские (12%), евреи (8%), а также немцы, поляки, белорусы (всего около 7%)^[68]. При этом 93% всех украинцев относилось к крестьянскому сословию, тогда как среди городского населения украинцы составляли всего 30%^[69]. Чем меньше был город, тем больший процент там составляло украинское население: в городах с числом жителей от 2000 до 15 000 украинцы составляли около 50% населения, тогда как в крупных (свыше 100 000) – лишь 17%^[70]. Русское население проживало в основном в городах (34%), где вместе с евреями (27%) оно составляло большинство населения^[71].

Другой особенностью являлось непропорциональное расселение по регионам Украины представителей различных национальностей. Как правило, украинцы жили в губерниях, в наименьшей степени затронутых индустриализацией и урбанизацией, тогда как половина русского населения проживала в промышленно развитых регионах (Екатери-

нославский, Таврический, Херсонский, Харьковский, Киевский)^[72]. При этом следует учесть, что украинская буржуазия была развита крайне слабо, а украинская интеллигенция была в основном сельской: по данным 1897 г., три четверти украинцев, по своей профессии связанных с интеллектуальным трудом, проживало в сельских районах^[73]. К концу XIX века украинцы были представлены по роду занятий следующим образом: государственная администрация, суд, полиция, гуманитарные профессии – около 31%, военная служба – 30,5%, торговля и коммерция – 13%, промышленность, строительство, транспорт – 37%, поденные работники и слуги – 52% и, наконец, сельское хозяйство – 85%^[74].

Таким образом, основным слоем, сохранявшим национальную самобытность, было крестьянство. Специалист по национально-социальным проблемам развития украинского общества в XX веке Б. Кравченко даже считает, что до революции и в первые годы после нее слово «украинский» практически было синонимом слова «крестьянский»^[75]. При этом, пишет исследователь, «перед Первой мировой войной и революцией украинцы были народом, который еще не выработал четкого национального сознания и государственность которого выглядела далекой целью»^[76]. Действительно, для украинского крестьянства национальный вопрос имел меньшее значение, чем вопрос аграрный. А среди городского населения (и рабочих, и служащих, и высших слоев

общества) преобладала русская культура.

Национальная идея находила поддержку прежде всего среди интеллигенции (имеется в виду та ее часть, которая ощущала себя украинской, ведь на Украине интеллигенция была преимущественно русской). Численность украинской интеллигенции была невысока^[77]: Б. Кравченко объясняет это тем, что украинская интеллигенция пополнялась в основном за счет выходцев из крестьян, хотя первое ее поколение в основном сформировалось из рядов мелкого дворянства. Преобладание мелкого крестьянства на Украине вкупе с русскоязычной системой образования привело к тому, что «украинская интеллигенция составляла крохотный слой населения»^[78]. В 1897 г. только 16% юристов, менее четверти учителей, 10% писателей и артистов были украинцами. По переписи, проведенной в Киеве в 1917 г., только 11% студентов считали себя украинцами по национальности^[79].

После революционных событий 1917 г. украинская национальная идея получила существенное распространение. Так, на выборах в местное самоуправление, проведенных на Украине летом 1917 г., позиция украинских партий была еще не очень стабильной. Только в 5 из 20 произвольно выбранных пунктов украинские партии добились перевеса (Миргород, Конотоп, Елизаветград, Ромны, Лохвица) и еще в пяти (Харьков, Полтава, Чернигов, Черкассы, Проскуров) завоевали треть голосов. В Киеве же украинские партии за-

воевали только 20% мандатов, в Екатеринославе – 10%, в Одессе – 4%^{80}. В то же время в конце ноября – начале декабря 1917 г., как показали выборы в Учредительное собрание, украинские социал-демократы и эсеры добились явного перевеса и завоевали 75% голосов^{81}.

Успех политических сил национальной ориентации в условиях повышенной социальной напряженности неудивителен. Мечтавшее о земле и мире украинское крестьянство разочаровалось во Временном правительстве, затягивавшем решение аграрной проблемы и продолжавшем войну. Поэтому национальная идея стала находить все большую поддержку и в городе, и на селе. В сельской местности крестьянство было готово поверить обещаниям украинских политиков. В городе же, как указывает итальянский специалист по советской истории А. Грациози, существовал слой населения, «который вместе с сельской интеллигенцией встал во главе националистического движения», а именно мелкобуржуазная интеллигенция, а также часть войск, расквартированная в городах^{82}.

Впрочем, если говорить об украинском городе, то следует учесть, что после октябрьских событий туда хлынул поток беженцев с севера, искавших защиты от большевиков. Среди них было немало представителей элитарной интеллигенции. К примеру, можно упомянуть ученого с мировым именем, философа и общественного деятеля В. И. Вернадско-

го, оставившего свои знаменитые дневники. Он переселился сначала в Полтаву, а затем в Киев. На Украине искали защиты от большевиков и помещики. Кроме того, население украинских городов постоянно пополнялось за счет еврейских семей, искавших убежища от погромов.

Это обстоятельство сделало отличия между национальными составами села и города на Украине еще резче. Так, в Киеве количество населения увеличилось с 468 тыс. человек в 1917 г. до 544 тыс. в 1919 г., причем процент еврейского населения увеличился с 18 до 28%. Численность же украинского населения сначала возросла, а затем начала падать и в 1920 г. составила всего 14%^[83]. А. Грациози даже утверждает, что «в городах с таким составом украинский национализм не мог пустить глубоких корней»^[84].

Кроме того, современники отмечают довольно сильные пророссийские настроения на юге и востоке Украины. Так, один из представителей командования австрийской армии при украинской Центральной Раде генерал-майор Вальдштетен докладывал в Министерство иностранных дел в Вене 16 мая 1918 г.: «Нет никакой украинской национальной мысли, по крайней мере в Южной Украине. Все живут, думают и говорят по-русски. По-украински никто не понимает. Главное, интеллигенция – не исключая еврейской ее части – за союз с Россией»^[85]. «Впрочем, – сообщает далее австрийский генерал-майор, – представляется мне, что союз

Украины с Россией рано или поздно снова наступит»^[86].

Вальдштетен объясняет это тем, что между Украиной и Россией много общего – «язык, религия, хозяйство»^[87].

Высказывания австрийского генерала содержали немалую долю истины. Действительно, до революции доминирующую роль играло либерально-демократическое крыло интеллигенции, ориентированное в первую очередь на национально-культурную автономию Украины, хотя в качестве перспективы присутствовало и требование национально-территориальной автономии. Уже после февральских событий 1917 г. известный украинский ученый и политический деятель, возглавивший Центральную Раду, М.С. Грушевский настаивал на необходимости перехода от культурно-просветительских требований к политическим, т. е. к лозунгу национально-территориальной автономии Украины в составе федеративной России^[88]. Под воздействием бурных событий войны и революций, особенно октябрьской 1917 г., политический расклад существенно изменился. Слабость либерального центра компенсировалась усилением леворадикальных тенденций. Как уже говорилось, в 1917 г. усилились позиции украинских национальных партий, зачастую имевших социалистическую окраску^[89]. Так, в Центральной Раде, созданной после Февральской революции, были представлены Украинская партия социалистов-революционеров, Украинская социал-демократическая рабочая партия и Украин-

ская партия социалистов-федералистов^{90}. В дальнейшем, под воздействием революции и Гражданской войны, эти партии не один раз переживали расколы и преобразования.

Публичная презентация национальной идеи: Грушевский, Скоропадский, Петлюра

НА УКРАИНЕ В 1917-1920 гг. события развивались весьма бурно. 7 (20) ноября 1917 г. Центральная Рада провозгласила образование Украинской Народной Республики в федеративном союзе с Россией. Однако отношения между Центральной Радой и большевиками были далеки от идеала. Совнарком не желал признавать Центральную Раду, поскольку та не была избрана Всеукраинским съездом Советов. Центральная Рада отказывалась признать право СНК представлять всю Россию. В конце концов 12 (25) января 1918 г. Центральная Рада провозгласила УНР полностью независимой республикой. Однако Центральная Рада не смогла удержать власть, и начиная с января 1918 г. ситуация на Украине несколько раз менялась с калейдоскопической быстротой.

В начале 1918 г. Украина оказалась под контролем большевиков, но остаться у власти они тогда не смогли. Согласно Брестскому миру с Германией, подписанному 3 марта 1918

г., Совнарком обязался признать самостоятельность УНР. Украина была занята германскими и австро-венгерскими войсками. В конце апреля 1918 г. к власти на Украине пришел бывший генерал российской армии П.П. Скоропадский, провозглашенный гетманом Украинской державы. Однако в конце 1918 г., с окончанием Первой мировой войны, политическая ситуация вновь изменилась. Немецкие и австрийские войска утратили оккупационные функции, чем не преминули воспользоваться украинские политические круги, решившие восстановить Украинскую Народную Республику. В декабре 1918 г. произошел переворот, гетман был смещен, к власти пришла так называемая Директория, лидером которой были известные украинские политические деятели В.К. Винниченко и С.В. Петлюра. Вскоре было даже провозглашено объединение УНР с Западно-Украинской Народной Республикой, образовавшейся после распада Австро-Венгрии.

Однако власть Директории также не была стабильной. В январе 1919 г. к власти на Украине пришли большевики, провозгласившие образование УССР. Летом 1919 г. на украинской политической арене появился А.И. Деникин, чья Добровольческая армия оккупировала значительную часть территории Украины, но не сумела удержать над ней власть. В результате наступления Красной Армии зимой 1919-1920 гг. Украина была очищена от деникинских войск.

Неудивительно, что столь частые перемены власти дестабилизировали ситуацию. Настроения широких масс по-

стоянно менялись, следовательно, менялся и политический климат Украины. Национальный фактор постоянно переплетался с фактором социальным. Население, отвергнувшее очередную не оправдавшую надежд власть, готово было поддержать ее противников и т. д. Так, союз с Германией скомпрометировал национальное правительство; украинское крестьянство выражало крайнее недовольство реквизициями и, кроме того, опасалось за судьбу захваченных земель. На волне крестьянской поддержки в начале 1919 г. властью овладели большевики. Однако реквизиции продолжались, последовал новый всплеск крестьянского возмущения, что сделало позиции советской власти крайне непрочными. Но на Украине не смог найти поддержки и Деникин, благодаря чему большевикам в конце концов удалось закрепиться.

Очень ярко описывает сложившуюся ситуацию в своей книге «Мои украинские впечатления и размышления», (1923 г.) А.С. Мартынов, известный меньшевик, перешедший на большевистские позиции. Еще в июне 1918 г. он уехал с женой и дочерьми из Москвы на Украину, жил в селе Ялтушково и в Николаеве, работая учителем в заводских профшколах. Он отмечал, что поддержка крестьянством той или иной политической власти, в том числе и национальной, прямо зависела от предлагавшейся аграрной программы. При этом он ставил под сомнение силу национального чувства украинского крестьянства. «Когда петлюровцы пытались играть на чисто националистических струнках укра-

инского крестьянства, они не имели никакого успеха»^[91], – отмечал Мартынов. Далее мемуарист приводит высказывание одного из «уличных политиков-самостийников»: «Наша беда в том, что у украинского селянства еще совершенно нет национального самосознания. Наши дядьки говорят: мы на фронте из одного котла ели кашу с москалями и нам незачем с ними ссориться»^[92]. Другое дело, отмечает Мартынов, – украинская мелкобуржуазная интеллигенция («народные учителя, кооператоры, фельдшеры и т. д.»).

Среди них националистическая пропаганда имела несомненный успех^[93]. Действительно, население устало от политической чехарды, бесконечной войны всех со всеми и бытовой неустроенности. Это подтверждают и сведения «с другого берега» – не от таких сторонников советской власти, как Мартынов, а от ее противников. Агенты эмигрантской организации «Центр действия»^[94] в своих донесениях особое внимание уделяли настроению широких кругов населения Украины. Эти данные 1922 г. можно в значительной степени отнести и к предшествующим годам. «О какой же власти мечтает украинская деревня? – задает вопрос информатор. – О такой, которая бы их не грабила, установила определенные правовые отношения»^[95]. Город же, отмечается в том же донесении, «не имеет своей яркой политической физиономии»: «Вся эта масса в ежедневной погоне за взяткой, за пайком, за легкой наживой постоянно занята мыслью о

будущем дне»^{96}.

Однако, по мнению информатора, это отнюдь не означает, что национальная идея нигде не находит поддержки. В донесении отмечается, что эта идея находит отклик прежде всего среди украинской интеллигенции: «Тут на первом плане своя независимость, своя культура. Олицетворение этого – Семен Петлюра»^{97}.

Настроения крестьянской массы были противоречивы. С одной стороны, в стремлении к твердой власти крестьянство, как отмечается в документе, готово было отдать свои симпатии Петлюре: «Петлюру критикуют, в присутствии большевиков ругают, но доверие к нему безусловное»^{98}. В то же время полученные «Центром действия» сведения не свидетельствуют об однозначной поддержке национальной идеи крестьянством. Одни наблюдатели^{99} сообщали о «сильном национальном (в украинском смысле) подъеме» во всем крестьянстве, выражающемся «в стремлении к независимой Украине и крайне враждебном отношении к Москве»^{100}. Другие, напротив, были убеждены в «слабом развитии национальных чувств и отсутствии ощущения родины»^{101} среди крестьянства. «У крестьянской массы почти отсутствует понимание родины, как чего-то целого, существующего помимо бытия отдельной деревни, отдельной волости, отдельного уезда»^{102}, – говорится в одном из документов.

Для полноты картины следует отметить настроения сре-

ди пленных и интернированных украинцев в Польше после подписания Рижского мира, данные о которых приводит российская исследовательница Т.М. Симонова. Сотрудники Российского политического комитета, сформированного в Варшаве Б.В. Савинковым при активном содействии польских военных властей, осенью 1921 г. вели работу среди интернированных украинцев по вовлечению их в Союз защиты родины и свободы. В отчетах о работе в лагерях Стшалково и Тухоля сообщалось, что высший командный состав украинской армии поверхностно разделяет взгляды руководящих кругов УНР, однако в действительности сторонников Петлюры немного. В верхах преобладали гетманцы. «В низах большинство довольно аполитично. Есть определенные русофилы. Много сторонников федерации Украины с Россией», – говорилось в одном из документов^{103}. При этом после широкой репатриации интернированных авторитет Петлюры среди украинских солдат существенно упал, «укаинофильство совершенно исчезло», большинство украинцев (до 70%) говорили по-русски, распевали русские песни^{104}. Т.М. Симонова отмечает, что число желавших вернуться в Советскую Россию росло, увеличивалось и число украинцев прогерманской ориентации, появились и желавшие сотрудничать с лагерными коммунистами^{105}.

Вопрос о силе национального чувства крестьянства, составлявшего, как уже говорилось, большинство среди укра-

инского населения вообще, довольно сложный и не имеет однозначного ответа. Тем не менее следует отметить, что для большевиков особую опасность представляло соединение социальных чаяний простого народа с национальными устремлениями украинской интеллигенции, тем более что на политической арене у большевиков на Украине появились конкуренты. В украинских социалистических партиях появились «левые» течения и такое направление, как национал-коммунизм (1918-1925 гг.). Тут следует отметить две партии, образовавшиеся в результате консолидации эволюционировавших к коммунизму левых украинских эсеров и социал-демократов: Украинская партия социалистов-революционеров (коммунистов) и Украинская социал-демократическая рабочая партия («незалежных») объединились в 1919 г. в Украинскую коммунистическую партию (боротьбистов); другая часть УСДРП («незалежных») в 1920 г. оформилась в Украинскую коммунистическую партию. Влияние этих партий на селе было довольно сильным. Кроме того, устойчивые позиции в городах востока и юга Украины занимала Украинская партия левых социалистов-революционеров (борбистов), возникшая в 1919 г. К весне 1920 г. боротьбистов было около 15 тыс. человек, членов У КП (укапистов) около 600 человек (по некоторым данным – до 3 тысяч), борбистов – свыше 7 тысяч^{106}.

Программа национал-коммунистов предусматривала создание суверенного украинского государства (которое за-

тем войдет во всемирную социалистическую федерацию), самостоятельной украинской армии, независимой от Москвы партии и диктатуры, но не пролетариата, а всего трудового народа. Как считает украинский исследователь О.Б. Бриндак, эти партии, как и РКП(б), стремились к монополюющей партийной диктатуре^{107}. Экономическая программа национал-коммунистов предусматривала социализацию земли, раздел ее по трудовым нормам. Это, собственно, и обеспечивало им поддержку села. В то же время «ортодоксально-марксистская У КП» выступала против раздела помещичьих земель^{108}.

Украинизация без большевиков

В ТАКОЙ НЕПРОСТОЙ социально-политической ситуации политика по внедрению украинского в качестве языка общественной и культурной жизни, политика поддержки украинской культуры в Украинской Народной Республике и Украинской державе, проводившаяся различными правительствами и являвшаяся символом процесса суверенизации, приковывала к себе пристальное внимание различных общественных и политических сил. Такая политика именовалась «украинизацией» – термином, который впервые ввел в оборот известный украинский ученый и политический деятель, председатель Центральной Рады М.С. Грушев-

ский^[109].

Особое значение правительства УНР и Украинской державы придавали статусу украинского языка, который должен был стать языком законодательства, администрации, армии. Основные усилия «незалежных» властей были направлены на использование украинского языка в таких сферах, как система образования (на всех уровнях – от начального до высшего), издательское дело (газеты, журналы, книги, особенно учебная литература и т. п.), театральное и музыкальное искусство, музейное дело и т. п.

Несмотря на сложные условия, украинским правительствам удалось добиться определенных успехов (особенно Центральной Раде и гетманскому правительству). Были открыты украинские школы (только в 1917 г. появилось 215 так называемых высшеначальных школ, а к концу 1918 г. число украинских гимназий достигло 150). В 1917 г. выходило 106 периодических изданий на украинском языке, а в 1918 г. – 212. Что касается книг на украинском, то в 1917 г. их было издано 747, в 1918 г. – 1084, в 1919 г. – 665^[110]. В 1918 г. была создана Украинская академия наук. При русских высших учебных заведениях открывались кафедры украинознатства (украиноведения), кроме того, Народный университет в Киеве был преобразован в Украинский госуниверситет, были открыты университет в Каменец-Подольске, историко-филологический факультет в Полтаве, Национальная библиотека, работали несколько нацио-

нальных театров.

Суть работы по украинизации выразил заместитель председателя Центральной Рады известный писатель В.К. Винниченко: «Мы, украинцы, хотели жить и проявлять себя во всех сферах и областях жизни. Мы полагали, что все общественные, политические и социальные учреждения должны быть для народа, а не народ для них. На Украине -на-род украинский, поэтому для него как украинского народа должны быть все учреждения: правительство, администрация, школа, суд, а также и армия»^{111}.

Украинизация, по мысли ее инициаторов, должна была охватить все стороны жизни общества. Однако условия Гражданской войны не позволили осуществить все задуманное в полной мере. К тому же большинство украинского населения было озабочено другими, в первую очередь социально-экономическими, проблемами. На фоне продовольственной и аграрной проблем появление украинских школ, книг на украинском и кафедр украинознaвства казалось явлением второстепенным. На мероприятия по украинизации из-за их ярко выраженного политизированного характера обращали внимание прежде всего представители интеллигенции. Киевский присяжный поверенный и общественный деятель А.А. Гольденвейзер в своих «Киевских воспоминаниях» говорит о том резонансе, который вызывало это явление в обществе. Он отмечает, что украинизация «приводила в смущение всех неукраинцев, причастных к школе, науке, адво-

катуре. Украинский язык, с которым впоследствии немного свыклись, вызывал аффектированные насмешки; никто не собирался учиться этому языку»^{112}.

Наблюдение Гольденвейзера подтверждают мемуары других его современников. Вспоминая о событиях 1917-1919 гг., Т. Кардиналовская (жена украинского премьера В.А. Голубовича) прежде всего упоминала о негативном отношении к украинизации со стороны киевской интеллигенции: «одни протестовали из-за нетерпимости ко всему украинскому, другие из-за ее насильственного насаждения». Большое впечатление на Кардиналовскую произвели печатавшиеся в газете «Русская мысль» длиннейшие списки людей, подписавшихся под лозунгом «Я протестую против насильственной украинизации Юго-Западного Края». При этом, по словам мемуаристки, там стояли фамилии не только русские, но и украинские^{113}.

Протесты против украинизации были довольно широко распространены. «Начался целый ряд заседаний школьных советов, школьных родительских комитетов, на которых, дружно объединившись, черносотенец и демократ единодушно стали выносить протест за протестом, посылая их в правительство, – свидетельствовал Винниченко. – Они протестовали против „насильственной украинизации“!»^{114}

Газета «Голос Киева» опубликовала 13 июня 1918 г. обращение правления Союза служащих правительственных

учреждений Винницы к властям. В тексте говорилось о том, что при делопроизводстве в учреждениях нет необходимости переходить на украинский, поскольку «случаев взаимного непонимания между этими учреждениями, с одной стороны, и местным населением – с другой, никогда не было»^{115}. «Более того, – говорится далее, – такие случаи возможны именно при введении украинского языка, ибо последний в своей литературной форме почти ничего общего с местным просторечием не имеет»^{116}. Служащие же вполне понимают это просторечие, «а в некоторых случаях и объясняются» на «простом языке местного населения». Но вот украинским литературным языком никто не владеет^{117}.

Неприятие украинизации было весьма широким. Украинский общественный деятель, оказавшийся после Гражданской войны в эмиграции, Н.М. Могилянский в своих воспоминаниях о пережитом в Киеве в 1918 г. задавался вопросом: «Пользуется ли „украинизация“^{118} симпатиями широких масс населения Украины?»^{119} Пытаясь честно в этом разобраться, Могилянский признает, что «в той исторической стадии, в какой жило тогда население Украины, оно было более чем равнодушно ко всяким попыткам и затеям украинизации»^{120}. Подтверждая мнение других современников-очевидцев, он также отмечает отрицательное отношение к украинизации широких слоев населения: «Как показали грустные события и переживания Киева, Харько-

ва, Одессы, население городов везде имеет явную склонность к большевизму, а деревня везде жаждала одного: земли!»^{121} Более того, Могилянский считает единственными «союзниками» украинизации немцев, «которые были заинтересованы углублением „украинизации“ для успеха расчленения России»^{122}.

Для полноты картины приведем еще одно мнение. В своих «Очерках русской смуты» генерал А.И. Деникин весьма резко отзывался о происходивших на Украине событиях. Он называл программу гетманского правительства не иначе как «национальным шовинизмом и украинизацией»: «Министр внутренних дел Кистяковский вводил закон об украинском подданстве и присяге; министр народного просвещения Василенко приступил к массовому закрытию и насильственной украинизации учебных заведений; министр исповеданий Зеньковский готовил автокефалию украинской церкви... Все вместе в формах нелепых и оскорбительных рвали связь с русской культурой и государственностью»^{123}.

Характерны и другие примеры негативного восприятия украинизации со стороны широких слоев русской и украинской интеллигенции. В отличие от государственных деятелей Украинской Народной Республики, считавших украинизацию закономерным процессом, сопутствующим строительству украинской государственности, русская и русскоязычная общественность считала, что подобные мероприя-

тия со стороны правительства нарушают «равенство национальностей». Вот какие мысли высказывал В.И. Вернадский (кстати, этнический украинец) в апреле 1918 г.: «Сейчас в Полтаве очень тревожное чувство в связи с начинающейся насильственной украинизацией. Через три недели вывески магазинов д[олжны] быть по-украински... Всюду предписано ввести делопроизводство на укр[аинском] яз[ыке]. Вводят на язычи. Возбуждается ненависть к языку»^[124].

Подчеркнутое знаменитым ученым обострение национальных противоречий в УНР было не просто следствием украинизаторских усилий Центральной Рады, Гетманата и Директории, оно также отражало ситуацию, характерную для распада имперских структур. Как известно, Украина с середины XVII века и вплоть до 1917 г. не составляла единого и обособленного политического организма, разные ее территории попеременно входили в состав соседних государств (России, Речи Посполитой, монархии Габсбургов), что увеличивало роль внешнеполитического фактора в постановке украинского вопроса.

Самое пристальное внимание украинским землям уделяла Польша, восстановившая свою государственность в ноябре 1918 г. Как известно, в начале XX века в польских политических кругах активно обсуждался вопрос о путях достижения независимости. Одни видели главную опасность для возрождения Польши в Германии, другие – в России. Последние обращали внимание на то, что Россия владеет боль-

шей частью земель Польши и бывшей Речи Посполитой. Они полагали, что Российской империю ожидает распад, причем распад по национальному признаку. В результате на окраинах Российской империи должны возникнуть независимые государства – своеобразный буфер между Москвой и Варшавой^{125}.

Подобные взгляды разделял и «начальник государства» Ю. Пилсудский, которому не чужды были и экспансионистские устремления^{126}. Уже в ноябре 1918 г. Польша начала активные военные действия в Восточной Галиции против образованной там Западно-Украинской Народной Республики. Польско-украинская война закончилась в июне 1919 г. победой Польши и оккупацией всей Восточной Галиции польскими войсками.

Свои территориальные претензии Польша стремилась закрепить официально. В декабре 1918 г. на переговорах с представителем Польского национального комитета в Париже С. Грабским Пилсудский заметил, что восточная граница Польши должна пройти по линии небольших украинских и белорусских рек Улла – Березина – Случь – Горынь – Ушица. Пилсудский давал аналогичные инструкции участнику Парижской мирной конференции Л. Василевскому: восточная граница должна обеспечить включение в Польшу железной дороги Дрогобыч – Львов – Ковель – Пинск – Лунинец – Барановичи – Вильно и ее «прикрытия» в виде пояса болот и

лесов Припяти^{127}.

Отношения между Польшей и РСФСР не складывались. Польское руководство не желало идти на контакт с большевиками и упрекало советское руководство в попытке вызвать революцию в Польше. А отмена актов царского правительства о разделах Речи Посполитой большевиками рассматривалась как юридическое признание Россией прав Польши на восстановление ее в границах 1772 г., что было недостижимой мечтой всех польских политиков с конца XVIII века.

Кроме того, польское руководство играло на антибольшевистских настроениях стран Антанты. Как известно, в Германии находила довольно весомую поддержку идея расчленения Российской империи, в частности, образования независимого украинского государства, чем активно пользовались многие политические силы в борьбе за власть на Украине. Поляки же нашли поддержку у Франции, которая рассматривала независимое польское государство как щит между русским большевизмом и германской революцией и оказывала активную помощь полякам, поставляя им военное снаряжение и присылая своих военных инструкторов.

Все это создавало благоприятные условия для польско-украинского союза на антибольшевистской, антироссийской основе. Первые контакты правительства Украинской Народной Республики с Польшей приходятся уже на конец 1918 – начало 1919 г. 31 декабря в Варшаву отправилась украинская миссия во главе с профессором В. Прокопови-

чем, целью которой было добиться помощи Польши в борьбе с большевиками. В свою очередь, поляки также стремились наладить дипломатические контакты с УНР и отправили в январе 1919 г. на Украину специального представителя для проведения консультаций с украинскими политическими кругами^{128}.

Однако достичь соглашения было непросто из-за территориальных противоречий между Польшей и УНР: и те и другие претендовали на Восточную Галицию. Парижская мирная конференция пыталась урегулировать этот вопрос. В конце концов в феврале 1919 г. Совет десяти Парижской конференции согласился с территориальными претензиями Польши относительно Восточной Галиции и разрешил ввести туда польские войска для «охраны от большевистских банд». Правящие круги УНР вынуждены были учесть данное обстоятельство. В мае 1919 г. Директория одобрила решение о начале мирных переговоров с Польшей. В этом же месяце к Петлюре прибыл особый представитель Ю. Пилсудского подполковник Заглоба-Мазуркевич^{129}.

1 сентября 1919 г. между УНР и Польшей было заключено прелиминарное соглашение. Положение армии УНР было крайне тяжелым, и Петлюра решил отказаться от западно-украинских земель в обмен на военную помощь. В октябре 1919 г. в Варшаву прибыла дипломатическая миссия во главе с министром иностранных дел УНР А. Левицким. При делегации действовала военно-дипломатическая миссия УНР

в Польше, приложившая большие усилия для налаживания военного сотрудничества между двумя странами. В начале 1920 г. на территории Польши началось формирование украинских частей.

«Плацдарм мировой революции»: политика большевиков в отношении Украины в 1917-1922 гг.

Революционное нетерпение

КАК ИЗВЕСТНО, ЛОЗУНГ самоопределения наций вплоть до отделения и образования самостоятельного государства был необходим большевикам в основном на этапе разрушения самодержавия. Следует согласиться с выводом А.И. Вдовина о том, что «пролетарское государство, идущее на смену буржуазному и добуржуазному» марксисты-ленинцы видели прежде всего «единой и неделимой республикой». «Такое видение, – пишет историк, – определяло их отрицательное отношение к расчленению России и какому-либо ослаблению централизма путем рассредоточения власти по федеративным и автономным частям государства, а если и допускало его, то лишь в определенных случаях: если нельзя было обойтись без федерации как формы перехода „к вполне единому государству“»^{[\[130\]](#)}.

Поэтому общедемократическое требование «права на самоопределение за всеми нациями, входящими в состав государства», сформулированное еще на II съезде РСДРП в 1903

г., было прежде всего важным тактическим шагом большевиков, в немалой степени определившим их успех во внутриполитической борьбе. При этом самоопределение рассматривалось Лениным как вынужденная мера и предпосылка для последующего перехода к централизованному унитарному демократическому государству социалистического типа: «...Мы стоим за право на отделение ввиду черносотенного великорусского национализма, который так испоганил дело национального сожительства, что иногда больше связи получается после отделения!! Право на самоопределение есть исключение из нашей общей посылки централизма...» ^[131]

Действительно, в таком основополагающем документе, как «Декларация прав народов России», были зафиксированы принципы свободного развития и равноправия народов: равенство и суверенность народов России, право народов на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства, отмена национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений. Однако уже в январе 1918 г. на III съезде Советов в докладе по национальному вопросу наркомнац И.В. Сталин фактически ставил национальный вопрос в зависимость от классового, трактуя принцип самоопределения как право исключительно «трудовых масс данной нации» ^[132]. Как показала дискуссия по национальному вопросу на VIII съезде партии в 1919 г., многие большевики разделяли сталинский подход.

Как известно, Ленин занимал более осторожную пози-

цию, критикуя «революционное нетерпение» своих товарищей по партии и указывая на необходимость считаться со сложной внутривластной ситуацией в стране. Хотя многие коммунисты, уповая на грядущую мировую революцию, отвергали значение национальной культуры и считали нации принадлежностью безвозвратного исторического прошлого, в своей реальной политике им приходилось учитывать особенности менталитета «отсталого» населения, подверженного «национальным пережиткам». Продолжение русификаторской политики в этой ситуации было невозможно. Сохранение Украины как одного из «плацдармов социализма» в Европе настоятельно требовало нейтрализации «буржуазного влияния» на крестьянство, составлявшее большинство населения Украины.

В этой ситуации национальная окраска советской власти на Украине могла сыграть решающую роль: если остановить распад Российской империи было весьма проблематично, то можно было бороться за установление в независимых республиках советской власти. Так, в записке по прямому проводу Н.В. Крыленко 24 ноября (7 декабря) 1917 г. Ленин и Л.Д. Троцкий подчеркивали: «Мы считаем, что... Рада явно и решительно встала на сторону кадетско-корниловской и калединской контрреволюции. Мы за советскую власть в независимой республике Украинской, но не за контрреволюционную калединскую Радугу»^[133]. Годом позже, 29 ноября 1918 г., Ленин в своей телеграмме главкому И.И. Вацетису

особо подчеркивал значение создания временных советских правительств, «призванных укрепить Советы на местах» во время продвижения Красной Армии на запад. «Это обстоятельство имеет ту хорошую сторону, - писал он, – что отнимает возможность у шовинистов Украины, Литвы, Латвии, Эстляндии рассматривать движение наших частей как оккупацию и создает благоприятную атмосферу для дальнейшего продвижения наших войск. Без этого обстоятельства наши войска были бы поставлены в оккупированных областях в невозможное положение, и население не встречало бы их как освободителей»^{134}.

Две тактики по украинскому вопросу

ПОЗИЦИЯ ПАРТИИ большевиков на Украине поначалу была не очень сильной. К августу 1917 г. на украинских землях насчитывалось немногим более 22,5 тыс. членов партии, причем две трети из них действовали на Донбассе. При этом на селе работало только около 16% всех большевиков Украины^{135}. Возможно, именно поэтому на выборах в Учредительное собрание большевики сумели собрать только 10% голосов украинских избирателей, тогда как украинские социал-демократы и эсеры – 75%^{136}. Следует учесть, что до революции не существовало территориальной украинской большевистской организации. КП(б)У была образо-

вана лишь в июле 1918 г.: настоятельная потребность в создании партии появилась лишь после Брестского мирного договора 1918 г. ^{137}

К началу 1918 г. на Украине действовали два самостоятельных областных объединения РСДРП(б) – Донецко-Криворожского бассейна и Юго-Западного края, – которые придерживались различных представлений о перспективах развития большевистской партии на Украине.

Во главе киевских большевиков стоял Г.Л. Пятаков. Вместе с группой единомышленников он составил группировку, получившую название «левой». «Левые» были убеждены в том, что в мире идет решающая схватка между капитализмом и социализмом, и рассматривали украинскую революцию как составную часть мировой революции. Брестский мир они оценивали негативно, полагая, что Украина должна служить делу продолжения мировой революции. Один из большевистских партийных деятелей той поры – А.И. Буценко (в 1917-1919 гг. он работал в Полтаве) особо подчеркивал данный момент. По его словам, Пятаков считал, что «Украина должна явиться плацдармом для развертывания революции дальше на запад без помощи русского пролетариата за перманентное восстание, а не ждать, пока все партийные организации проведут должную подготовку к организованному повсеместному вооруженному восстанию» ^{138}.

Именно в интересах революционной борьбы Пятаков предлагал объединить все большевистские организации

Украины. В ноябре 1917 г. по его инициативе была проведена партийная конференция Юго-Западного края и провозглашено создание региональной большевистской организации «Социал-демократия Украины», правда, не получившей одобрения ЦК РСДРП(б)^{139}.

Большевиков Екатеринослава и Донбасса возглавлял Э.И. Квириг. «Правые» Донбасса считали, что без помощи России революция на Украине бесперспективна, и поэтому были убежденными сторонниками тесного союза с Москвой. «Правые» не желали идти на контакт с киевской организацией и в январе 1918 г. предприняли попытку создать Донецко-Криворожскую Советскую Республику. Инициаторов образования этой республики вдохновляла идея сохранения всего Донецко-Криворожского бассейна с Харьковом в составе Российской республики на положении отдельной области^{140}. Как известно, помимо Донецко-Криворожской, какое-то время существовали Одесская, Донская и Крымская республики.

«Левые» и «правые» не ладили между собой, и для сглаживания противоречий в конце 1917 г. на Украину был послан старый большевик (член партии с 1897 г.) Н.А. Скрыпник, а в начале 1919 г. – другой партиец, деятель болгарского и международного социалистического движения Х.Г. Раковский.

Таким образом, к моменту объединения большевистских организаций Украины между ними существовали значитель-

ные разногласия. В соответствии с этим на Таганрогском партийном совещании 19-20 апреля 1918 г. были выдвинуты две резолюции по организационному вопросу. Первая, принадлежавшая Э.И. Квирингу, предусматривала создание автономной партии со своим Центральным комитетом и со своими съездами, хотя и подчиненной единому ЦК и съездам РКП(б). Автором второй резолюции был Н.А. Скрыпник. Хотя он и не разделял взглядов «левых коммунистов», однако также считал целесообразным создать на Украине самостоятельную коммунистическую партию со своим ЦК и своими партийными съездами, связанную с РКП(б) лишь через III Интернационал. На совещании большинством голосов прошла резолюция Скрыпника.

Однако центральное партийное руководство в Москве не могло допустить такого развития событий: на I съезде КП(б)У 5-12 июля 1918 г. была принята резолюция, согласно которой КП(б)У должна входить в единую Российскую коммунистическую партию. VIII съезд РКП(б) в марте 1919 г. принял в связи с этим специальное постановление, в котором говорилось: «Необходимо существование единой централизованной коммунистической партии с единым ЦК, руководящим всей работой партии во всех частях РСФСР. Все решения РКП и ее руководящих учреждений безусловно обязательны для всех частей партии, независимо от национального их состава. Центральные Комитеты украинских, латышских, литовских коммунистов пользуют-

ся правами областных комитетов партии и целиком подчинены ЦК РКП»^{141}.

При этом многие большевики на Украине (особенно екатеринославская, харьковская, одесская организации) решительно выступали против хотя бы и формальной украинизации партии. А.И. Буценко вспоминал, как в Луганском горисполкоме некий Червяков арестовал делегатов II Всеукраинского съезда Советов (март 1918 г.), приехавших проводить украинизацию госаппарата и «разговаривавших на украинском языке»^{142}. По его оценке, «основная беда правых заключалась в том, что они недооценивали национального вопроса, вернее, недопонимали его»^{143}. Причины этого Буценко видел в том, что опору «правых» составляли русские рабочие Донбасса, а к украинскому крестьянству они относились с большой осторожностью^{144}.

Впрочем, киевляне также по-разному относились к украинскому вопросу. К примеру, «левый коммунист» Г.Л. Пятаков вообще был убежденным противником права наций на самоопределение и даже получил от Винниченко прозвище «русский коммунист-централист, враг украинского национально-государственного возрождения»^{145}. Однако в тот момент Пятаков считал, что относительная независимость от Москвы соответствует интересам мировой революции, поскольку обеспечивает возможность маневра против политики Бреста.

Равноправие или слияние?

6 ЯНВАРЯ 1919 г. Временное рабоче-крестьянское правительство провозгласило новое официальное название государства – Украинская Социалистическая Советская Республика. Стремясь упрочить свой контроль над Украиной, большевистские лидеры делали основную ставку на сохранение единства партии на территории бывшей Российской империи.

Последнее обстоятельство приобретало особое значение в связи со стремлением сохранить государственное единство бывшей Российской империи. А Украина была крайне важной частью распадавшейся на глазах державы, что отражает постановление Политбюро РКП(б) от 8 апреля 1919 г. В нем говорилось об Украине как источнике «топлива, металла, наличных заводов и мастерских, а также запасов продовольствия»^[146]. Упустить столь ценный для развития мировой социалистической революции регион большевики не могли.

Хотя независимость УССР была провозглашена, однако большевики рассчитывали в ближайшем будущем добиться слияния двух республик. 23 апреля 1919 г. Политбюро ЦК РКП(б) предложило ЦК КП(б)У обсудить вопрос, при каких условиях и в какой форме такое слияние будет проведено^[147]. Можно увидеть подготовку к такому слиянию в цен-

трализаторской политике учреждений РСФСР. 3 марта 1919 г. президиум ВСНХ РСФСР высказался за прямое управление народным хозяйством советских республик из Москвы на принципах «демократического централизма». Буквально через несколько дней, 7 марта 1919 г., украинское советское правительство приняло постановление об объединении ВСНХ РСФСР и Украинского СНХ в единую систему и об объединении банковской системы обеих республик^[148].

Более того, украинский исследователь СВ. Кульчицкий, ссылаясь на архивные документы, указывает, что Раковский считал возглавляемое им Временное рабоче-крестьянское правительство Украины органом ЦК РКП(б). Правда, указанные документы не были официально приняты, но были черновым вариантом постановлений ВРКП Украины^[149]. Возможно, черновиком указанные документы остались неспроста.

Скорее всего Раковский просто не понял всю сложность ситуации на Украине. Большевики противопоставляли свою национальную политику национальной политике царского правительства. 10 марта 1919 г. Наркомпрос УССР принял даже постановление об отмене государственного языка и провозглашении равноправия всех языков. Признавая «своеобразное явление господства русской культуры при несомненном количественном перевесе украинского населения», Наркомпрос в качестве причин сложившейся ситуации указывал на проводившуюся ранее «насильственную

русификацию». Отныне же, «считаясь [с] отменой государственного языка как такового [и] объявлением всех местных языков равноправными, нарком просвещения предоставляет право населению на местах определять язык, [на] котором должно вестись преподавание [в] школах. При этом должны быть обеспечены интересы всех национальных групп Украины...».

Несмотря на провозглашенное равноправие, Наркомпрос УССР отдавал явное предпочтение украинскому языку, подчеркивая необходимость «активно работать [в] сторону развития украинского языка и укр[аинской] культуры». В качестве обязательного предмета в школах вводилось изучение истории и географии Украины, а также одного из местных языков^{150}.

Однако провозглашенные большевиками национальные лозунги не мешали им уже осенью 1919 г. строить планы «полного слияния» УССР и РСФСР; первым этапом на этом пути должна была стать пропаганда такого важного шага. В проекте тезисов о политике на Украине, подготовленном к заседанию Политбюро ЦК РКП(б) 21 ноября 1919 г., Ленин отмечал: «Пока – самостоятельная Укр[аинская] Социалистическая Р[еспублика], в тесной федерации с РСФСР... п. 2 на Политбюро ЦК РКП(б) 21.XI. 19 „принять с указанием, что до созыва украинского съезда Советов Украина и Россия федерируются на основе резолюции ВЦИК и постановления Политбюро от 1.VI.19 г. и что в то же время партийным пу-

тем ведется осторожная подготовка планов слияния Украины и России“»^[151].

Желание большевиков добиться «полного слияния» Украины с Россией было крайне велико. Между тем они вынуждены были корректировать свои планы в связи с обострением внешнеполитической ситуации. Столкновения между польскими и советскими войсками, начавшиеся еще в ноябре 1918 г., вспыхивали на протяжении всего следующего года. Осенью – зимой 1919 г. длительные переговоры между Польшей и УНР стали приносить плоды. Однако польская военная помощь Петлюре была оказана только в следующем году. Осторожная позиция Пилсудского объяснялась наступлением на Москву А.И. Деникина. В этой ситуации вмешательство Польши благоприятствовало Деникину, что было крайне невыгодно полякам: Деникин не желал признавать независимость Польши и представлял еще большую опасность, чем большевики. В то же время Польша не ответила и на предложение Совнаркома РСФСР 22 декабря 1919 г. начать мирные переговоры.

Позиция Польши, очевидно, оказала влияние на большевиков, изменивших свой подход относительно Украины. Кроме того, к лету 1919 г. стало очевидным недовольство украинского крестьянства (равно как и российского) большевистской аграрной политикой – экспедициями продотрядов за хлебом; «дикими» реквизициями, проводимыми Красной Армией в условиях отсутствия снабжения из цен-

тра, введенной 12 апреля продразверсткой на урожай предыдущих лет. По данным А. Грациози, украинские крестьяне стали встречать продотряды криком «бей жидов и москалей!»^{152}

Недовольное крестьянство и сепаратистские устремления украинских политиков вкупе с внешнеполитическими расчетами Польши обостряли ситуацию до крайности. Сочетание этих нескольких факторов представляло собой большую опасность. Пользуясь тем, что Деникин на Украине с его программой возрождения великой империи и реставрации помещичьей власти не оставил о себе доброй памяти, центральное большевистское руководство в Москве призвало с особым вниманием относиться к национальным чувствам украинцев. На уже упоминавшемся заседании Политбюро 21 ноября 1919 г. Ленин, хотя и не оставивший надежд на будущее слияние УССР и РСФСР, уже призывал к величайшей осторожности «в отношении к националистским традициям» и необходимости «строжайшего соблюдения равенства украинского языка и культуры»^{153}.

Однако это отнюдь не было призывом создать благоприятные условия для деятельности украинской интеллигенции. По мнению Ленина, следовало особенно внимательно наблюдать за «учительской спилкой», кооперативами и «тому подобными мелкобуржуазными организациями» на Украине. Их надлежало взять «под особый надзор» и принять «особые меры для разложения». С этой целью необходимо

было провести подготовку «особого кадра работников для Украины»^{154}.

Любопытно, что важность установления контактов с украинской интеллигенцией и привлечения ее на свою сторону Ленин отметил еще в апреле 1918 г., во время встречи с украинскими большевиками по поводу образования КП(б)У. По словам А.И. Буценко, присутствовавшего на этой встрече, «при выходе из зала, прощаясь с нами, Владимир Ильич несколькими словами обратил внимание В.П. Затонского, чтобы больше было бы уделено внимания украинской интеллигенции. Она должна стать приверженцем советской власти»^{155}.

Мысль об обязательном изучении украинского языка всеми должностными лицами была развита в «Резолюции ЦК РКП(б) о советской власти на Украине» от 2 декабря 1919 г.: «Поскольку на почве многовекового угнетения в среде отсталой части украинских масс наблюдаются националистические тенденции, члены РКП обязаны относиться к ним с величайшей терпимостью и осторожностью, противопоставляя им слово товарищеского разъяснения тождественности интересов трудящихся масс Украины и России». Украинский язык надлежало превратить «в орудие коммунистического просвещения трудовых масс», для чего прежде всего необходимо было обеспечить советские учреждения достаточным количеством служащих, владеющих украинским

языком^{156}.

Однако крестьянское недовольство и нестабильная ситуация на Украине становилась крайне опасной не сама по себе, а в связи с активизацией антироссийских устремлений Польши. Потерпев неудачу в переговорах с поляками, которые не пошли на заключение мира с РСФСР, и видя огромный интерес Польши к западным окраинам бывшей Российской империи, большевистское руководство в Москве решило обезопасить себя и прекратило попытки развернуть пропаганду слияния двух советских республик.

28 декабря 1919 г. Ленин написал «Письмо к рабочим и крестьянам Украины по поводу побед над Деникиным». Лидер большевиков провозгласил, что только украинские рабочие и крестьяне «на своем Всеукраинском съезде Советов» могут решить вопрос о судьбе Украины. Ленин объявил о готовности большевиков пойти на уступки в столь важном вопросе: «...мы, великорусские коммунисты, должны быть уступчивы при разногласиях с украинскими коммунистами-большевиками и боротьбистами, если разногласия касаются государственной независимости Украины, форм ее союза с Россией, вообще национального вопроса»^{157}.

О том, насколько серьезно большевистский лидер интересовался положением на Украине, свидетельствует относящаяся к этому же времени записка Ленина в Политбюро ЦК РКП(б): «Надо установить немедленно практическую, краткую, но существенную форму отчетов (2 раза в месяц) каж-

дого работника партии с Украины... За неприсылку отчетов арестовывать. Иначе прозеваем Украину»^{158}. В телеграмме Сталину от 22 февраля 1920 г. Ленин настаивал на необходимости «немедленно завести переводчиков во всех штабах и военных учреждениях, обязав безусловно всех принимать заявления и бумаги на украинском языке». Ленин подчеркивал, что это «безусловно необходимо» – «насчет языка все уступки и максимум равноправия»^{159}.

В сложившейся ситуации такая политика была логичной. Внешнеполитическая ситуация продолжала оставаться весьма напряженной. Все реальнее становилась угроза военного столкновения между Советской Россией и Польшей, а это крайне обостряло украинский вопрос. Польша рассчитывала создать барьер между собой и Россией из независимой Украины, надеясь также на то, что украинское государство окажется в польской сфере влияния. Как подчеркивает И.В. Михутина, об этом ясно говорилось в одном из секретных информационно-политических документов, подготовленном в марте 1920 г. по указанию Пилсудского для командного состава Волынского фронта. Там, в частности, были такие слова: «В настоящее время польское правительство намерено поддержать национальное украинское движение, чтобы создать самостоятельное украинское государство и таким путем значительно ослабить Россию, оторвав от нее самую богатую зерном и природными ископаемыми окраи-

ну» [{160}](#).

После поражения Деникина Варшава начала готовиться к решительной схватке. 21 апреля 1920 г. переговорный процесс между УНР и польским правительством завершился подписанием Варшавского договора. Был подписан секретный протокол с Петлюрой о разделе Украины: Польша признавала его главой независимой Украины, Петлюра отдавал Польше Галицию. В апреле 1920 г. началась советско-польская война. Польские войска перешли в наступление и в мае захватили Киев, пройдя парадом по Крещатику. Однако захват Киева вызвал небывалый патриотический подъем в Советской России. Красная Армия перешла в наступление и в июле 1920 г. разгромила польскую группировку на Украине и в Белоруссии. Большевики продолжили наступление, желая превратить войну оборонительную в войну наступательную и революционную.

Началось наступление на Варшаву, конечной целью был Берлин. Как вспоминал В.М. Молотов, «Ленин поставил целью использовать навязанную Пилсудским войну с Польшей, чтобы пройти войсками и „прощупать штыком“, не готова ли Германия к началу пролетарской революции» [{161}](#). Но расчеты большевиков не оправдались. Поляки в массе своей восприняли Красную Армию не как освободительную и революционную, а как захватническую. Произошло известное «чудо на Висле», Красная Армия была отброшена от Варшавы, тысячи красноармейцев попали в плен. Советско-польскую

войну завершил мирный договор, подписанный в Риге в марте 1921 г., по которому Польша получила земли Западной Украины и Западной Белоруссии.

Однако утративший формально силу польско-украинский военно-политический союз продолжал функционировать еще не менее года. После подписания Рижского мирного договора при содействии польских спецслужб из интернированных украинцев были созданы отряды. Их готовили к вторжению в Румынию и на Украину, чтобы поднять там восстание. Это и произошло в октябре – ноябре 1921 г. Хотя первоначальные планы польских спецслужб потерпели неудачу, лагеря для интернированных военнослужащих УНР просуществовали в Польше до 1924 г.^{162} По данным польских государственных регистрационных органов, общая численность украинской эмиграции в конце 1920 г. составляла 43 тыс. человек^{163}. При этом в Польше нашли пристанище и многие украинские политики.

Поворот к украинизации на фоне мировой революции

УКРАИНСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ и польские спецслужбы внимательно следили за ситуацией на Советской Украине. Большевики учитывали это обстоятельство и в свою очередь

стремились продемонстрировать образцовое решение национального вопроса в УССР. Было издано множество постановлений и декретов о равноправии украинского и русского языков. 21 февраля 1920 г. Всеукраинский ЦИК постановил: «На всей территории Украинской ССР, во всех гражданских и военных учреждениях должен применяться украинский язык наравне с великорусским. Никакое преимущество великорусскому языку недопустимо. Все учреждения, как гражданские, так и военные, обязаны принимать заявления и другие дела как на великорусском, так и на украинском языках и за отказ или уклонение в приеме виновные будут привлекаться по всей строгости военнореволюционных законов»^{164}.

21 сентября 1920 г. Совет народных комиссаров УССР принял постановление о введении украинского языка в школах и советских учреждениях. Оно предусматривало обязательное изучение украинского языка во всех «учебно-воспитательных учреждениях с украинским языком преподавания» и особо настаивало на «изучении украинского языка во всех... учреждениях по подготовке работников просвещения». Государственному издательству вменялось в обязанность «озаботиться изданием... достаточного количества учебных пособий на украинском языке, равно как художественной литературы и всех прочих изданий», популярной и пропагандистской литературы. Исполкомы в обязательном порядке должны были издавать в каждом губернском городе

«не менее одной украинской газеты». Во всех губернских и уездных городах должны были создаваться вечерние школы для обучения украинскому языку советских служащих ^[165].

Таким образом, в 1919-1920 гг. в декретах и постановлениях высших украинских органов власти были обозначены основные направления политики большевиков в отношении украинского языка и культуры: введение обучения на украинском языке, выпуск печатных изданий, обучение государственных служащих украинскому языку и т. п. Однако все это еще не означало, что все изданные распоряжения были реализованы на практике.

Пока не была официально провозглашена УССР, претворять в жизнь постановления о развитии украинского языка должен был Народный комиссариат по делам национальностей, при котором в мае 1918 г. был создан украинский отдел (позже – украинское представительство). В задачи этого отдела входила организация «украинского общественного мнения в пользу Российской Советской Федеративной Республики» ^[166]. Отдел должен был вести строгий контроль над приезжающими на Украину и выезжающими из нее, «ибо много вредного элемента с определенной целью являются за пропусками».

Культурно-просветительная и агитационная работа должна была проводиться как в «московской колонии украинцев и украинских красноармейцев», так и между «военнопленными галичанами», а также «между приходящим элемен-

том», «который часто очень мало знакомый с задачами Советской власти». Предусматривалась и «посылка агитаторов на места». В отдельный пункт была вынесена задача ликвидации «всех контрреволюционных организаций» ^{167}.

Идеологическая направленность большевистской национальной политики была очевидна. Основное внимание большевики уделяли борьбе с «буржуазным влиянием» среди «масс трудового народа». Так, в начале мая 1918 г. руководители Наркомнаца одной из основных задач комиссариата считали борьбу с «контрреволюцией во всех ее национальных проявлениях». «Так как Советы и центральные учреждения Советской власти часто плохо разбираются в физиономии различных национальных обществ, учреждений и кругов, то Народный комиссариат по делам национальностей является тем органом, который в этом отношении должен оказывать Советской власти существенную помощь» ^{168}, — указывалось в одном из писем Наркомнаца, адресованном во ВЦИК. «Идеологически вредными» считались все неподконтрольные большевикам общественные организации с национальной окраской. К последним относились и украинские «Просвиты».

Когда стало очевидно, что Украина не войдет в качестве составной части в РСФСР, главной задачей украинского представительства при Наркомнаце стала работа среди украинцев, «живущих в качестве национального меньшин-

ства вне пределов Украины на территории РСФСР»^{169}. На местах предполагалось развернуть широкую сеть местных подотделов украинского отдела Наркомнаца. Такие подразделения в разные периоды существовали в Ярославле, Тамбове, Калуге, Брянске, Орше, Курске, Петрограде, Самаре, Воронеже^{170}. Борьба за политическое влияние была крайне жесткой. Представители Наркомнаца тесно сотрудничали как с местными исполкомами, так и с местными отделениями Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и органами Военного управления. Таким образом действовал, например, Украинский Воронежский отдел, руководитель которого, некий тов. Москаленко, отмечал: «20-го октября с. г. [1918 г. – *Е. Б.*] указанный отдел начал функционировать... Контрреволюционерам и буржуазии были сразу закрыты до сего времени открытые ворота. Многие контрреволюционеры принимали меня за Украинского Консула, почему не стесняясь приходили за пропусками и служащие советской Красной Армии, бывшие офицеры, желающие поступить в ряды Красновской Армии, а также в ряды Армии пана Скоропадского. Подобные лица мною арестовывались».

Репрессии проводились не только в отношении отдельных лиц, но и целых организаций. В том же Воронеже 27 октября 1918 г. была закрыта Украинская Воронежская Громада, «поводом к закрытию этой громады послужило контрреволюционное направление этой организации». «При обыске обнаружено много литературы правых эсеров, а также порт-

реты профессора Грушевского и других врагов Советской власти». Разрушительную работу вести было легче, нежели созидательную. Так, библиотеку и читальню открыть удалось, но попытка открыть школу для «младшего возраста беженцев и эвакуированных украинцев» потерпела поражение. желающих обучаться на украинском языке попросту не оказалось^{171}.

Организация местных украинских отделов на территории РСФСР не всегда проходила успешно, и украинское представительство Наркомнаца вынуждено было признать в качестве «печального факта», что «в широких кругах русского общества, не исключая даже ответственных советских и партийных работников, до сих пор еще существует полное непонимание значения всестороннего развития украинской национальной культуры как основы строительства социалистического общества среди украинского народа». На деле это нередко приводило – «сознательно или бессознательно» – к печальным последствиям: «...по отношению к лицам украинского происхождения и даже к целым украинским организациям принимаются меры в лучшем случае тормозящие их деятельность, а в худшем – прямо... идущие вразрез с постановлением руководящих правительственных и партийных органов РСФСР»^{172}.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.